

Вячеслав ХАРЧЕНКО

Вячеслав Харченко родился в 1971 году в Краснодарском крае. Выпускник МГУ им. Ломоносова, учился в Литературном институте им. Горького. Стихи и проза печатались в журналах «Новая юность», «Арион», «Знамя», «Октябрь», «Крещатик», «Новый берег», Ното Legens и др. Автор книги прозы «Чай со слониками» (2018), «Пылинки» (2021). В «Волге» публикуется с 2014 года.

РУСАЛКА

Рассказ

Рыбачить в Алуште я подрядился с Андреем Петровичем. Шел вдоль пустого январского побережья и заметил мужика на пирсе санатория «Киев». Одному же скучно, но и сел рядом. Море яркое, как небосвод, пенка белесая и кажется, сейчас кто-нибудь клюнет, но ничего не клюет, потому что не сезон, даже на вареную куриную грудку не клюет, ни ставрида, ни барабулька, ни кефаль.

Если долго сидеть и просто смотреть на море, то начинает казаться, что там, в глубине, кроме рыб, морских ежей, дельфинов, черепах еще кто-то есть. Этот кто-то ведет свою простую и незаметную жизнь и никогда не попадает на глаза человеку, потому что нет ничего более противного природному естеству, чем человек.

С Петровичем мы обычно молчим, но это такое многозначительное молчание. Так молчат друг с другом давно прожившие вместе супруги. Они знают каждую мысль, каждое движение друг друга, и от этого любой звук становится ненужным.

И тут в тот день коренастый Петрович, одетый в камуфляжные штаны и в камуфляжную же куртку, вдруг заговорил со мной.

– Я, – сказал Петрович, – тут в 1979 году русалку поймал, мне было лет четырнадцать.

Я сидел и молчал, сосал «Донской табак» и молчал, мало ли у человека в шестьдесят лет придури. В шестьдесят лет можно не только поймать русалку, но в лучах закатного солнца увидеть Деву Марию, да так, что твоя встреча с ней войдет в учебники богословия как откровение.

А Петрович продолжал свой рассказ, и лицо его светилось, и в глазах горели огонечки, что-то в нем играло и пело:

– Я пришел в шторм купаться, а знаешь, какая Алушта обманчивая, здесь какие течения, ну я так прыгнул, вышел, обтерся и сижу пиво пью, и сигарету курю, сижу курю сигарету, шторм бушует.

Мне представился шторм. В шторм волны налетают на пирсы и с грохотом дробят их бетонную плоскость, словно мстя человеку за его странное желание создать что-то рукотворное, хотя и так есть много прекрасного в природе, зачем эта бетонная твердь нужна.

– И вот сидел я пил пиво, и тут девка подходит.

– Красивая, – перебил я Петровича.

У Петровича заходил кадык, он перевел взгляд от спиннинга на меня и, сбиваясь, с придыханием произнес:

– В тот момент я не понял, красивая она или нет, может она мне вообще показалась, много приезжих в Алуште, я точно ее не знал, не местная она.

– Но внимание-то обратили.

– А как не обратишь внимание, если халат она скинула и бултых голая с пирса.

– Прямо голая.

– Да голая. И вот поплыла, поплыла куда-то вроде к горизонту, в шторм, а тут смотрю, смотрю, нет ее, волны кругом, я аж привстал, пиво отставил и сигарету выкинул, чего мне сигарета, если человек пропал в шторм, пусть и голый, пусть и красивый.

– Полезли спасать, что ли.

– Ну да, опять полез в море, в шторм. И вот плыву, плыву, место вроде заметил, где видел ее последний раз, один раз нырнул, второй раз нырнул. Уже и жаль ее, и глаза слезятся, и резь в глазах, а все ныряю и ныряю, и только на пятый раз нащупал что-то, взял ее и потащил на берег, а волна же бьется и оттаскивает нас, я встаю, а девка тяжелая, нас и сносит, волна штормовая сносит.

– За волосы тащили.

– Это только в кино за волосы таскают, нет, обхватил руками и так толкал к берегу.

Я посмотрел на наши спиннинги. Колокольчики не шевелились. Никто не клевал. Это был пустой и гиблый день.

– И вот вытащил ее и положил на песок, а что делать, не знаю. Мне же четырнадцать лет. И вот смотрю, смотрю на нее и вдруг вижу у нее хвост рыбий, вижу, что русалка она. Серебристая лежит на солнце, и чешуя ее искрится, и такой приятный рыбий запах, и кажется, что никого более прекрасного я не видел на свете. Вот русалка эта – и больше никого, и не дышит. И шторм гудит, волны бьются о мол, взлетают стеной, и брызги, я склонился над ней, а на нас брызги и чайки курлы-курлы. Стал в лицо ее всматриваться. На всю жизнь запомнил это лицо, и хвост рыбий запомнил. Смотрю и думаю, если она умерла, то теперь и поцеловать можно, что ей будет теперь, если я поцелую мертвую русалку. Вот в сказках принцы целуют спящих царевен, а я поцелую мертвую русалку. И музыку такую услышал, будто хор поет.

– Ну и что, поцеловали, сколько ей лет-то было, вам четырнадцать, а ей сколько.

– Ей лет двадцать на вид.

– Вам четырнадцать, а ей двадцать. Так для вас она виделась просто старухой.

– Сам ты старуха. Красивая же, говорю. И вот услышал я хор и поцеловал ее.

За разговором с Петровичем я вдруг заметил, как стал усиливаться ветер. Откуда-то из глубины моря сначала пришла легкая прохлада, а потом что-то задуло, как вентилятор, и мне показалось, что появился отдаленный звук: настойчивое подспудное гудение.

– И вот я наклонился и бережно ее поцеловал, а губы у нее потрескавшиеся немного.

– Как точно вы все помните.

– И вот когда я ее поцеловал, она вдруг открыла глаза, вздрогнула, нащупала рукой мою пустую бутылку из-под пива и со всего размаха меня по голове и ударила. Осколки, искры, кровь хлещет из макушки, а она встала надо мной и орет: «Дебил, дурак, дебил, я хотела раз и навсегда, чтобы раз и навсегда, чтобы все закончилось, зачем ты это сделал», – а я сижу, мне больно, и смотрю на нее в гневе, а это не девушка, а ангел русалочий вокруг меня скачет и орет что-то. Я подскочил, хотел ее обнять, а она меня отталкивает, будто я чужой ей, будто это не я спас ее от смерти, а она орет, и я думаю: «Вот и нужна ли ей такая жизнь». Потом успокоилась.

– Дай сигарету, – говорит.

Я полез в карман рубашки, нащупал пачку сигарет и достал ей одну, зажигалкой чиркнул. Она прикурила и закашлялась, будто курит в первый раз в жизни. Сидит голая курит, а я все этот хвост русалочий вижу. Покурила, подобрала халат и как была голая пошла в сторону пляжа санатория «Днепр».

Я сижу, ничего не понимаю. Долго сидел на берегу, все смотрел в сторону, в которую она ушла. А потом шторм немного стих, и я вдруг мучительно захотел узнать, кто она, зачем пришла сюда, отчего кричала и грозилась, что с ней случилась. Встал и пошел ее искать. Вот так шел и заходил на каждый пляж и спрашивал, а что спрашивать,

имени ее не знаю. Надо мной только смеялись. Девушка голая, русалка, русалка, хвост серебряный.

«Иди проспись», – говорили мне. «Отстань, отстань», – говорили мне, а Танюха, продавщица вареной кукурузы, вообще хотела психиатричку вызвать или милицию, говорит не пущу тебя такого, ты посмотри на себя, какая русалка, пойдем лучше со мной, я тебя накормлю и обогрею, но в тот раз я с Танюхой не пошел. Так и брел по берегу и заходил на каждый пляж. Но нет, ее не было. Видимо и правда приезжая, хотя голую русалку должны были видеть. Может она в море ушла, ушла в море и поплыла куда-нибудь в Турцию, тут до Турции рукой подать.

– Так и не нашли?

– Так и не нашел. А потом каждый год ходил на этот пляж, лет семь ходил, думал встречу ее, но не встретил, помню только губы сухие и глаза русалочки, видимо приезжая, залетная, московская.

– А дальше что?

– Что-что, я потом всю жизнь в каждой женщине искал русалку эту. Вот, бывало, лежишь в постели с кем-нибудь, она склонится над тобой, волосы поправит, челку смахнет, а ты смотришь в темноте в ее лицо – не то, не то, не та, не та.

– Вы хоть женились-то потом, дети есть?

– Женился, на Танюхе и женился, сына назвал Руслан, Танюха жаловалась, что за имя нечеловечье, а я Руслан-Русалка хоть какая-то память на всю жизнь, он у меня огромный вырос и две внучки, уже одной три года, а второй десять.

– Не клюет сегодня, Андрей Петрович.

– Шторм будет, не купайся в Алуште, Славик, в шторм знаешь сколько утопленников здесь, сматывай удочки.

– Зачем, – удивлённо спрашиваю я, рассматривая свой спиннинг, – можно еще посидеть.

– Море не так шумит, – грустно улыбается Петрович.

Я прислушиваюсь к морю. Море как море.

– Ты здесь сколько? – спрашивает Петрович.

– Три года.

– А я всю жизнь.

Я опять стараюсь слушать море.

Пшпшпш, пшпшпш, шаша.

– Слышишь это еле заметное уиуиуи?

Прислушиваюсь. И точно где-то в отдалении, пока ещё еле заметно, но уже настырно и как-то властно я слышу уиуиуи и даже где-то ррр и даже где-то вывывы и что-то еще ухающее и хрюкающее.

– Шторм идёт, сматывай снасти, – говорит мне Петрович.

Послушно сматываю спиннинг, вздыхаю, я ещё не умею слушать море.